

Николай Иванович Кареев

**Исторический очерк
Польского Сейма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Иванович Кареев**
Исторический очерк Польского Сейма / Николай Иванович Кареев – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 168 с.

ISBN 978-5-458-05565-9

Работая над монументальной темой "Истории падения Польши", в этой небольшой работе, основанной на впервые к тому времени опубликованных текстах "Диариев" - дневников сеймов, Н.И. Кареев показывает как шляхетский сейм, с его губительным *libero veto*, оказывается неспособным организовать верховную власть и становится причиной крушения государства.

ISBN 978-5-458-05565-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

La diète—rien ne la gouverne, mais rien ne l'obéit.

Rousseau. Considérations sur le gouvernement de Pologne.

Въ исторіи представительныхъ учреждений, особенно въ сравненіи съ однородными учрежденіями на западѣ, сеймъ, которому принадлежала высшая власть въ польской Рѣчи Посполитой, является съ характеромъ настолько своеобразнымъ, что можетъ быть названъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Особенности этого учрежденія, первоначально не внушавшія полякамъ мысли о его непригодности для правильной государственной жизни, во второй половинѣ прошлаго столѣтія обратили на себя вниманіе и отечественныхъ, и иностранныхъ публицистовъ, въ общемъ довольно согласно признававшихъ необходимость коренной реформы сейма, указывавшихъ на одни и тѣ же его недостатки, но неодинаково понимавшихъ, гдѣ именно искать корня этихъ недостатковъ и въ чемъ видѣть спасеніе для Рѣчи Посполитой, которая приходила въ упадокъ, благодаря между прочимъ дурной организациі своего сейма. Давая политическіе совѣты полякамъ, иностранные публицисты — именно Руссо и Мабли — исходили, главнымъ образомъ, изъ отвлеченныхъ принциповъ своихъ политическихъ доктринъ, тогда какъ польскіе писатели старались преимущественно представить историческое оправданіе своихъ политическихъ взглядовъ и вслѣдствіе этого должны были такъ или иначе искать въ прошломъ своей родины причинъ того «безнарядья», какимъ по поговоркѣ (*niezrądem Polska stoi*) стояла Польша. Въ послѣднемъ отношеніи польская публицистика распалась на два лагеря, монархическій и республиканскій, отличавшіеся одинъ отъ другаго не только въ пониманіи средствъ, наиболѣе дѣйствительныхъ, по ихъ мнѣнію, для изцѣленія недуговъ Рѣчи Посполитой, но и въ представленіи всего политическаго прошлаго польской націи. Публицисты-монархисты видѣли при-

чину всѣхъ золь въ ослабленіи первоначально крѣпкой монархической власти, въ избирательномъ престолѣ, тогда какъ писатели республиканскаго лагеря утверждали, что Польша искони была вольной Рѣчью Посполитой, избиравшей своихъ королей, и что единственное средство спасенія заключалось въ возвращеніи государства къ первоначальному своему строю. Хотя ни тотъ, ни другой лагерь не могли при этомъ не касаться организаціи и исторіи сейма, тѣмъ не менѣе оба проходили какъ-то мимо наиболѣе существенныхъ вопросовъ: одни все свое вниманіе обращали на королевскую власть, вслѣдствіе чего національное представительство отступало для нихъ на задній планъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы они не думали пользоваться его услугами, а въ томъ, что главный вопросъ для нихъ заключался въ болѣе правильной постановкѣ королевской власти; другіе не могли многого понять въ явленіяхъ современной жизни вслѣдствіе совершенно невѣрнаго освѣщенія прошлаго Рѣчи Посполитой, и, видя свой идеаль уже разъ осуществленнымъ въ первобытной Польшѣ, принимали за исконныя и за достойныя быть сохранными такія черты своего политическаго быта, которыя въ сущности имѣли позднѣйшее происхожденіе и должны были быть уничтожены, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣло. Правда, о сеймѣ очень много писали старыя составители руководствъ по государственному праву Рѣчи Посполитой¹⁾, но они обыкновенно имѣли въ виду чисто практическія цѣли безъ всякой мысли о какихъ бы то ни было реформахъ, и историческія части ихъ работъ были скорѣе сборниками извѣстныхъ образомъ классифицированныхъ фактовъ, нежели дѣйствительно историческими обзорами.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о польскомъ сеймѣ въ послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Новѣйшая польская историографія чуть не до самаго послѣдняго времени повторяла попеременно монархическія и республиканскія идеи публицистовъ второй половины XVIII вѣка²⁾, что удаляло ее отъ правильной и совершенно научной

1) *Chwalkowski. Regni poloni jus publicum* (лучшее изданіе кѣнигсбергское 1684 г.). *Hartknoch. Exercitatio ad Chwalkowski jus publicum*. 1658. *Ето же. Respublica polona*. 1678.—*Zalazowski. Jus regni polonici*. 1702. *Lengnich. Jus publicum regni poloni*. 1742—1746.—*Skrzetuski. Prawo polityczne narodu polskiego*. 1782—1784. Лучшее и наиболѣе авторитетное изъ этихъ сочиненій—Ленгниха (въ двухъ томахъ). Имъ мы между прочимъ и пользовались при изученіи польскаго сейма (въ двандигомъ изд. 1765—66 гг.).

2) См. *Wi. Smoleński. Szkoły historyczne w Polsce*. 1887. См. также главы I и II моей работы подъ заглавіемъ «Паденіе Польши въ исторической литературѣ».

постановки вопроса о сеймѣ, тѣмъ болѣе, что съ паденіемъ государства исчезъ прежній практическій интересъ къ «*jus publicum polonum*», коимъ охотно занимались въ XVII и XVIII вв. Издавая лѣтъ двадцать тому назадъ свою «*Verfassung der Republik Polen*», нѣмецкій ученый Зигфридъ Гюппе имѣлъ полное право сказать въ предисловіи: «предметъ трактуется здѣсь въ первый разъ въ свѣтѣ новой науки. Изображенія польскаго государственнаго права имѣтъ даже на польскомъ языкѣ со времени паденія государства»³⁾. Впрочемъ, это право нѣмецкій ученый сохранилъ бы и до самаго послѣдняго времени.

Между тѣмъ польскій сеймъ—такое крупное явленіе въ прошломъ Рѣчи Посполитой, и у науки имѣется въ распоряженіи столько данныхъ для болѣе или менѣе подробной исторіи этого учрежденія, что давно пора было польскимъ историкамъ подумать о спеціальному изслѣдованіи сейма. Начало этой работѣ было положено весьма недавно профессоромъ варшавскаго университета А. И. Павинскимъ, занимающимъ и должность директора главнаго архива Царства Польскаго, откуда имъ было извлечено немалое количество историческихъ матеріаловъ. Онъ только что обнаружилъ большой трудъ подъ общимъ заглавіемъ «Исторія кувявской земли и историческіе къ ней акты»⁴⁾: первый томъ этого изданія представляетъ изъ себя обширное изслѣдованіе «правленія сеймиковъ въ Польшѣ» отъ 1572 по 1795 гг., главнымъ образомъ, на основаніи кувявскихъ отношеній⁵⁾, а слѣдующіе четыре тома заключаютъ въ себѣ постановленія и инструкціи сеймиковъ, бывшихъ въ кувявскихъ воеводствахъ въ означенную эпоху существованія польскаго государства⁶⁾. Въ предисловіи къ этому труду почтенный авторъ прямо говоритъ, что предметъ, коему мы посвящаемъ этотъ историческій этюдъ, совсѣмъ почти не разработанъ въ польской наукѣ. «О польскомъ самоуправленіи (мѣстномъ), говоритъ онъ, нѣтъ не только никакой работы, но даже сколько-нибудь подробнаго упоминанія въ научной литературѣ западной и центральной Европы. Нечему тутъ удивляться, потому что и въ нашей

---

³⁾ *Siegfried Hüppe. Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867. Vorwort, IX.* Въ видъ исключенія назовемъ оставшуюся нѣмецкому автору невѣстной работу *Гофмана «Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski» (Przegląd Poznański. 1847—49).*

⁴⁾ *A. Pawiński. Dzieje ziemi kujawskiej oraz akta historyczne do nich służące. Warszawa. 1888.*

⁵⁾ *Rządy sejmikowe w Polsce na tle stosunków województw kujawskich.*

⁶⁾ *Lauda i instrukcje sejmikowe. 4 тома.*

собственной литературѣ этого нѣтъ. Наука польской исторіи еще не дала отвѣты на такіе вопросы, а дать ихъ не могла хотя бы потому, что и не ставила себѣ подобныхъ вопросовъ.... Другія сферы государственной жизни, говоритъ онъ далѣе, которыя должны сдѣлаться предметомъ изученія при болѣе широкихъ требованіяхъ отъ науки, находятся также въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Исторія законодательной власти, исторія сеймовъ едва-едва тамъ и сямъ затронута, а между тѣмъ это—исторія того великаго и важнаго органа, въ которомъ вырабатывается коллективная мысль народа и является въ формѣ закона, приговора или конституціи, а этотъ законъ, этотъ приговоръ даетъ направление жизни, намѣчаетъ дѣли, указываетъ на средства ихъ осуществленія. Удовлетворить столь настоятельной потребности въ дѣлѣ столь жизненномъ, важномъ, первостепенномъ для науки—должно быть обязанностью ближайшаго будущаго» 7). Впрочемъ, именно только отъ будущаго историкъ ожидаетъ такой работы 8): настоящее еще не можетъ, по его мнѣнію, осуществить эту задачу 9). Разумѣется, что при этомъ проф. Павинскій имѣетъ въ виду полное и обстоятельное изслѣдованіе предмета, ибо, какъ мы полагаемъ, для общаго очерка исторіи польскаго сейма и въ данную минуту мы обладаемъ и достаточнымъ матеріаломъ, и въ извѣстной степени выработанными научными положеніями. Самъ авторъ мѣстнаго самоуправленія въ Польшѣ значительную часть своего труда посвящаетъ вопросу объ отношеніи сеймиковъ къ сейму, — вопросу, какъ мы увидимъ, весьма важному въ исторіи послѣдняго.

Матеріалъ для исторіи сеймовъ заключается въ такъ называемыхъ «діаріяхъ», или дневникахъ сеймовъ, сохранившихся въ рукописяхъ, и только въ наше время напечатанныхъ 10), или же увидѣвшихъ свѣтъ

7) *A. Pawiński*. Rząde sejmikowe, стр. IV и V.

8) Wypadało by, do czego niewątpliwe z czasem przyjdzie, skreślić obraz ustawodawstwa sejmowego. *Ibid.*, 333.

9) Nie stać nas jeszcze na spełnienie tak wielkiego zadania. *Ibid.*, 334.

10) Таковы дневники сеймовъ XVI в. Въ 1861 г. въ *Źródłopismach* do dziejów unii, изданныхъ въ 1861 г. въ Познани *Дзяминскимъ*, помѣщены дневники сеймовъ піотрковскаго 1562—63 и варшавскаго 1564 г.; въ *Bibliotece Ordynacyi Książskich* (Warszawa. 1868) *Хоменитовскій* напечаталъ діаріи піотрковскаго сейма 1565 г., въ 1869 г. въ Краковѣ были изданы *Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta 1555 i 1558 g. w Piotrkowie złożonych*; въ томъ же году наша Археографическая коммиссія издала дневникъ люблинскаго сейма 1569 г. (редакція *проф. Колловича*), отъ котораго сохранился и другой дневникъ, изданный въ Познани въ 1856 г. *Дзяминскимъ* (*Poznańskie spiszenie wsitkiego seyma walnego koronnego ktori był celebrowan*

въ печати вскорѣ послѣ своего составленія ¹¹⁾, равно какъ извѣстія объ отдѣльныхъ сеймахъ можно найти въ лѣтописяхъ, мемуарахъ и т. п., а результаты ихъ дѣятельности — въ сборникахъ «конституцій», т. е. сеймовыхъ постановленій и т. д. Кромѣ того, и въ исторической литературѣ существуетъ нѣсколько работъ объ отдѣльныхъ сеймахъ. Такъ, наприм., борьба шляхты съ духовенствомъ на сеймахъ въ серединѣ XVI в., о которой нами была написана статья на основаніи діаріевъ ¹²⁾, не разъ уже излагалась историками реформациі въ Польшѣ ¹³⁾. Сеймы болѣе ранней эпохи (временъ Альбрехта и Александра) были предметомъ особой статьи проф. Бобржинскаго ¹⁴⁾; а за періодомъ борьбы шляхты съ духовенствомъ наступили междоцарствія, когда сеймамъ пришлось играть новую роль, такъ что и литература элекцій на польскій престолъ ¹⁵⁾ заключаетъ въ себѣ много по исторіи отдѣльныхъ сеймовъ. Особенно много сдѣлано по исторіи отдѣльныхъ сеймовъ для царствованія Станислава Августа, и здѣсь, конечно, на первомъ планѣ стоитъ «великій» или четырехлѣтній сеймъ, называемый иначе конституціоннымъ, о которомъ существуетъ между прочимъ капитальный трудъ Калинки ¹⁶⁾. Къ этой специальной литературѣ слѣдуетъ прибавить польскую политическую литературу, насколько она касалась сеймовъ. Не касаясь самихъ поли-

---

w Linolinie a. D. 1569); въ 1872 г. въ Краковѣ были обнародованы проф. Шуйскимъ *Dyaryusz sejmów koronnych 1548, 53 i 70 g.* (въ I томѣ *Scriptorum rerum polonicarum*).

¹¹⁾ Таковы напечатанные въ Варшавѣ дневники сеймовъ 1762, 1764, 1766, 1776, 1778, 1780, 1782, 1784, 1786 (cf. *Sozański. Dyaryusz sejmowi 1767. Lwów. 1866*), а особенно разные матеріалы, касающіеся знаменитаго четырехлѣтняго сейма (1788 — 1792 гг.). Кромѣ того, печатались собранія сеймовыхъ рѣчей. *Zbiór mów sejmowi 1773 — 1776* (три тома). *Żbiór mów sejmowi czteroletniego.* (12 томиковъ).

¹²⁾ Юридическій Вѣстникъ. 1881, сентябрь и октябрь.

¹³⁾ *Romanowski. Otia Cornicensis. Poznań. 1861.* — *Zakrzewski. Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce. Lipsk. 1870.* — *Жуковичъ. Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени. Спб. 1882.* — *Н. Любовичъ. Исторія реформациі въ Польшѣ. Варшава. 1883.*

¹⁴⁾ *М. Bobrzyński. Ustawodawstwo nieszawskie. Kraków. 1873. Ею же Sejmowi polskie za J. Olbrachta i Aleksandra (Ateneum. 1876).* *Н. Нубе. Statuta nieszawskie z roku 1454. Warszawa. 1875.*

¹⁵⁾ Указана отчасти въ моей книгѣ «Очеркъ реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ». М. 1886. Стр. 23.

¹⁶⁾ *Kalinka. Sejm czteroletni. Kraków. 1880—1886.* Въ русской литературѣ объ этомъ сеймѣ болѣе всего въ «Последнихъ годахъ Речи Посполитой» Костомарова. О последнемъ польскомъ сеймѣ (гроденскомъ 1793 г.) см. польское соч. *Вейнера* (Познань. 1866) и русское — *Иловайскаго* (Москва. 1870).

тических писателей въ Польшѣ, можно назвать нѣсколько авторовъ, которые дѣлали ихъ предметомъ своихъ изслѣдованій, и поскольку польскіе публицисты XV—XVIII вѣковъ говорили о сеймѣ, эти изслѣдованія могутъ быть важнымъ подспорьемъ при изученіи исторіи сеймовъ Рѣчи Посполитой ¹⁷⁾.

---

¹⁷⁾ Первымъ польскимъ политическимъ писателемъ былъ Остророгъ, жившій въ серединѣ XV вѣка (См. о немъ работу проф. *Пазинскаго*, изд. въ Варшавѣ въ 1884 г.). О польскихъ политическихъ писателяхъ XVI в. есть новая работа проф. краковскаго университета *пр. Тарновскаго*. Кроме того, см *Hoffman*. *Historya reform politycznych w Polsce*. Poznań. 1867. *Pilat*. *Literatura polityczna sejmu czteroletniego (Przegląd Polski. 1872)*. *Kalinka*. *Sejm czteroletni. 1886* (первая половина второй части второго тома).

I.

Двѣ главныя особенности сейма въ Польшѣ.

Односословность и конгрессивность польскаго сейма.—Связь этихъ двухъ особенностей сейма съ общимъ направлениемъ политической исторіи Польши.— Возникновеніе односословности въ польскомъ сеймѣ: духовенство, дворянство и города въ Польшѣ.—Понятіе конгрессивности.—Противоположные примѣры генеральныхъ штатовъ и рейхстага.—Польскій сеймъ и англійскій парламентъ.— Истинная причина конгрессивнаго характера польскаго сейма.—Способъ объединенія прежнихъ удѣльныхъ княжествъ. — Что поддерживало существованіе обвѣхъ особенностей польскаго сейма.—Привилегіи шляхты и самоуправленіе воеводствъ.

Сравнивая польскій сеймъ, организовавшійся къ концу XV и началу XVI в. и просуществовавшій до конца XVIII, съ аналогичными ему учрежденіями, которыя мы въ извѣстную пору находимъ во всѣхъ государствахъ Запада, а также и у насъ (земскіе соборы), мы прежде всего должны отмѣтить двѣ его особенности, объясняющіяся, какъ увидимъ, временемъ и способомъ его происхожденія и въ свою очередь объясняющія весьма многое въ политической исторіи Польши въ послѣдніе три вѣка ея самостоятельнаго существованія. Одна особенность—участіе въ сеймѣ одного только сословія, тогда какъ въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, кромѣ дворянства, пользовавшагося этимъ правомъ въ Польшѣ, участвовали и другія сословія, — духовенство, горожане и даже, случалось, крестьяне; другая особенность та, что сеймъ Рѣчи Посполитой, будучи *de jure* представительнымъ учрежденіемъ одного государства, *de facto* получилъ характеръ международнаго конгресса пословъ отъ яко-бы совершенно самостоятельныхъ земель. Первое обстоятельство дозволило шляхтѣ сдѣлать сеймъ

орудіемъ своихъ сословныхъ интересовъ какъ въ ущербъ интересамъ общегосударственнымъ, такъ и къ крайней невыгодѣ другихъ сословій. Если съ теченіемъ времени шляхетскій сеймъ сдѣлался въ Польшѣ учрежденіемъ, надъ которымъ уже не было никакой высшей власти, то другое изъ указанныхъ обстоятельствъ, конгрессивный характеръ сейма, имѣло то слѣдствіе, что развилось гибельное *liberum veto*, позволявшее одному послу своимъ несогласіемъ уничтожать все рѣшенія этого собранія, и политическое значеніе у сейма стали оспаривать областные сеймики. Руссо, въ общемъ находившій польскую конституцію превосходной, отмѣчаетъ однако тотъ фактъ, что учрежденіе, надъ которымъ никто не господствуетъ, въ то же время не находитъ нигдѣ и повиновенія. «Ослабленіе законодательной власти, говоритъ онъ, совершилось въ Польшѣ особеннымъ и, можетъ быть, непримѣрнымъ (*unique*) образомъ: дѣло въ томъ, что она потеряла свою силу, не будучи подчинена властью исполнительною. Еще въ настоящую минуту законодательная власть сохраняетъ весь свой авторитетъ; она въ бездѣйствіи, но ничего не имѣя выше себя, сеймъ обладаетъ верховенствомъ въ той же степени, какъ и во время своего установленія, и между тѣмъ онъ безсиленъ: ничто надъ нимъ не господствуетъ, но ничто ему и не повинуется» ¹⁾). Последнія слова: «rien ne la domine, mais rien ne l'obéit», которыя я выбралъ и эпиграфомъ къ этому этюду, прекрасно характеризуютъ сеймъ Рѣчи Посполитой въ ту эпоху, когда впервые заговорили громко о необходимости его реформировать: шляхетскій сеймъ превратился въ учрежденіе, которому принадлежала въ Польшѣ верховная власть, но которому никто не повиновался. Захватъ верховной власти въ государствѣ однимъ сословіемъ и неумѣніе этого сословія организовать очутившуюся въ его рукахъ верховную власть—вотъ въ болѣе общей формулировкѣ два явленія въ развитіи польскаго государства, отразившіяся на своеобразномъ характерѣ существовавшего въ немъ сейма. Верховная власть въ Рѣчи Посполитой принадлежала дѣйствительно шляхтѣ: во-первыхъ, лично каждый шляхтичъ, обладавшій населеннымъ имѣніемъ, былъ независимымъ и неограниченнымъ паркомъ по отношенію къ своимъ «подданнымъ» хлопамъ, и съ этой стороны Рѣчь Посполитая представляется намъ федераціей великаго множества мелкихъ абсолютныхъ шляхетскихъ монархій; во-вторыхъ, коллективно собиралась шляхта каждого воеводства на сеймики, гдѣ рѣшала общія дѣла и выбирала отъ себя «пословъ» на общій сеймъ

¹⁾ J. J. Rousseau. Considérations sur le gouvernement de Pologne, chap. VII.

съ определенными инструкціями и съ правомъ не соглашаться на постановленія, противныя этимъ инструкціямъ, такъ что каждое воеводство въ свою очередь было какъ-бы небольшою республикой, въ коей верховная власть принадлежала шляхетскому вѣчу; въ третьихъ, вся шляхетская нація, время отъ времени высылавшая пословъ своихъ на сеймъ, собиралась для выбора своего политическаго главы, носившаго старое имя короля, но бывшаго въ сущности первымъ магистратомъ республики, и съ этимъ королемъ суверенная шляхта заключала договоръ, оставляя верховную власть за собою и донельзя ограничивая права и прерогативы короны. Такимъ образомъ суверенитетъ принадлежалъ и каждому шляхтичу лично, если только онъ былъ «*possessionatus*» (т. е. владѣль населеннымъ имѣніемъ), и всей шляхтѣ въ совокупности какъ въ отдѣльныхъ воеводствахъ на сейминахъ, такъ и во всемъ государствѣ, причемъ на такъ называемыхъ «элекціонныхъ» сеймахъ вся шляхта непосредственно, т. е. поголовно (*viriliter*), могла пользоваться своимъ суверенитетомъ. Захвативъ въ свои руки верховную власть, польская шляхта заботилась, однако, главнымъ образомъ не о томъ, чтобы организовать ее въ интересахъ государства, понятыхъ хотя бы и съ узко-сословной точки зрѣнія, а чтобы, такъ сказать, раздѣлить этотъ суверенитетъ поровну между всѣми членами сословія, главнымъ образомъ имѣвшими населенныя земли, съ одной стороны, и между отдѣльными воеводствами, изъ коихъ состояла Рѣчь Посполитая, съ другой; если сеймъ, который долженъ былъ бы представлять общегосударственные интересы, не имѣлъ права вмѣшиваться въ отношенія «пановъ» къ ихъ «поданнымъ» и постановлять что-либо противное желаніямъ пословъ отъ одного воеводства, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы сеймъ въ Польшѣ, представлявшій собою шляхетское сословіе, былъ дѣйствительно организованнымъ средоточіемъ суверенитета,—позволю себѣ такъ выразиться,—разсѣяннаго въ этомъ сословіи. Шляхта могла захватить верховную власть потому, что она одна по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, стала появляться на сеймахъ, все больше и больше получавшихъ участія въ законодательствѣ, а потомъ прямо превратившихся въ собранія съ законодательною властью. Понятно, что шляхта стала пользоваться своимъ значеніемъ въ государствѣ ради своихъ сословныхъ интересовъ, и однимъ изъ первыхъ ея дѣлъ было раздѣлить между собою поголовно верховную власть надъ хлопями, жившими на ея земляхъ: прежніе подданные государства стали подданными отдѣльныхъ лицъ шляхетскаго сословія. Послѣдніе однако сами не перестали быть подданными этого государства, превратившись

въ его гражданъ: кромѣ верховной власти по отношенію къ крестьянской массѣ, была въ Рѣчи Посполитой верховная власть по отношенію къ ея господамъ, и разъ послѣдняя перешла изъ рукъ короля въ руки самой шляхты, необходимо было дать этой власти новую организацію. Шляхта этого не сдѣлала: она скорѣе дезорганизовала то, что было организовано раньше, и въ замѣнъ старой власти не создала новой. Въ концѣ концовъ трудно было рѣшить, гдѣ надлежало искать суверенитетъ въ польской націи: суверенитетъ шляхты надъ крестьянскою массою несомнѣненъ, но этотъ коллективный государь Рѣчи Посполитой, любившій себя сравнивать съ державнымъ римскимъ народомъ, не имѣлъ ни народныхъ комицій, ни республиканскихъ магистратовъ, подобныхъ по своему значенію въ государствѣ тѣмъ, какіе существовали въ Римѣ. Въ концѣ же концовъ и сами поляки нашли формулу своего политическаго бытія въ знаменитомъ изреченіи, учившемъ нѣсколько поколѣній видѣть основу, на которой держится ихъ отечество, въ безнрядьѣ: «niezładem Polska stoi». Если захватъ верховной власти въ государствѣ однимъ сословіемъ стоитъ въ связи съ тѣмъ, что одно это сословіе стало составлять изъ себя сеймъ, то развившееся въ Рѣчи Посполитой безнрядье тѣсно связано съ другимъ недостаткомъ: сеймъ эти, вмѣсто того, чтобы сосредоточить въ себѣ власть, сдѣлались чѣмъ то въ родѣ международныхъ конгрессовъ, постановленія коихъ зависѣли отъ согласія единичныхъ представителей шляхты, а исполненіе этихъ постановленій—отъ доброй воли каждаго шляхтича въ отдѣльности. Какъ для появленія лишь одной шляхты на сеймахъ, такъ и для развитія ихъ конгрессивнаго характера, конечно, существовали свои особыя причины въ общественномъ и государственномъ бытѣ Польши въ ту эпоху, когда впервые стали собираться въ ней общіе сеймъ. Сравненіе сейма съ англійскимъ парламентомъ, французскими генеральными штатами (*états généraux*) и нѣмецкимъ рейхстагомъ поможетъ намъ понять эти особенности главнаго учрежденія польской Рѣчи Посполитой.

Въ западно-европейскихъ представительныхъ собраніяхъ обыкновенно участвовали три сословія, т. е. духовенство, дворянство и горожане. Такъ какъ духовенство раздѣлялось на высшее и низшее, и первое имѣло въ государственной жизни неизмѣримо болѣе важное значеніе не только по своему положенію въ церкви, но и по своимъ мірскимъ владѣніямъ, то, говоря о появленіи духовенства на политическихъ собраніяхъ Запада, мы имѣемъ въ виду преимущественно не простой клиръ, а сановниковъ церкви, бывшихъ въ то же время феодальными владѣльцами; на политическихъ собраніяхъ они появлялись въ та-